

В Е Синье, благодаря помощи и наставничеству Е Синье, жизнь Цун Кайгэ, хоть и не стала богатой, постепенно начала налаживаться. Он с удивлением обнаружил, что Е Синье содержит небольшой шашлычный лоток. Группа местных хулиганов, его верных товарищей, четко распределила обязанности: кто-то жарил мясо, кто-то нанизывал его на шпажки, кто-то разносил тарелки и напитки. Когда десяток парней принимались за работу, их порой было даже больше, чем самих посетителей. Но именно благодаря этому на их шашлычном лотке никогда не возникало беспорядков.

Однажды вечером Цун Кайгэ сидел за прилавком, сосредоточенно нанизывая мясо на шампуры, как вдруг стул под ним слегка качнулся от пинка Е Синье. Цун Кайгэ в недоумении поднял голову, и Е Синье спросил его:

— Ты еще не собираешься домой?

Цун Кайгэ покачал головой. Е Синье, прикусив сигарету, усмехнулся и отошел в сторону по своим делам.

Воспользовавшись перерывом, Цун Кайгэ разговорился с остальными парнями и узнал, что каждый из них обладает своим талантом: Вэнь-гэ мастерски готовил жаренные блюда, Линь-гэ лучше всех управлялся с грилем, а Шаоян-гэ умел варить лапшу и готовить тушеное мясо. Несмотря на все свои навыки, никто из них не мог в одиночку открыть заведение и прокормиться. Поэтому они решили держаться вместе и сообща вести этот бизнес. В обеденное время они развозили еду по интернет-кафе и школам, а в свободные часы... кхм, как они сами выражались, занимались защитой местных школьников, а на деле — собирали плату за эту самую защиту.

Услышав это, Цун Кайгэ испытал смешанные чувства. Он понимал, что рэкет — дело неблагоприятное, но, будучи одним из тех, кому эта деятельность приносила пользу, не мог их осуждать. Ему оставалось лишь отшутиться, чтобы сгладить неловкость.

Время летело незаметно.

Цун Кайгэ сжимал в руках тонкий листок уведомления о зачислении, словно держал в руках весь мир. Он стоял перед шашлычным лотком в окружении старых друзей, бросивших среднюю или старшую школу. В их глазах светилось нечто необычное — предвкушение будущего и гордость за товарища.

— Ну ты даешь, дружище! Прямо как тот феникс, что взлетел на самую вершину! — пошутил один из парней с сережкой в ухе, размахивая шашлыком. В дыму и огне его слова звучали по-особенному искренне.

Цун Кайгэ улыбнулся. В этой улыбке таились едва заметные тревога и волнение, но они быстро растаяли в теплой атмосфере.

— Да уж, сам не ожидал, что действительно поступлю.

— Кайгэ, ты наша гордость! — другая девушка с крашеными в золотистый цвет волосами подняла стакан с напитком. — Давайте выпьем за университетскую жизнь Цун Кайгэ!

— За тебя! — хором отозвались остальные. Звон бокалов разнесся в ночном воздухе, словно гимн победы.

Бабушка сидела в инвалидном кресле, и ее морщинки углубились от широкой улыбки. Она не сводила глаз с внука, полная умиления.

— Кай-кай, бабушка в жизни толком не училась, но ты обязательно стань образованным и полезным человеком.

Цун Кайгэ подошел к ней и нежно взял за руку.

— Хорошо, бабушка, я обещаю.

Ночной ветер принес аромат жареного мяса и летнюю прохладу. Цун Кайгэ взглянул на звездное небо — далекие светила словно подмигивали ему, намекая, что этот мир огромен и ждет, когда он его исследует.

— Ну все, на сегодня хватит. Бабушка уже в возрасте, пора отдыхать, — Е Синье поднялся и похлопал Цун Кайгэ по плечу. — Кайгэ, я провожу тебя и бабушку до дома.

Цун Кайгэ кивнул. Он знал, что Е Синье всегда был надежным, словно зонт в непогоду, и был единственным, кто дарил ему чувство безопасности в этой компании.

Они медленно повезли инвалидное кресло, оставляя позади шум веселья и догорающие угли. Цун Кайгэ обернулся: фигуры друзей растворялись в ночи, но он никогда еще не чувствовал себя так близко к ним.

— Кайгэ, не переживай, — тихо произнес Е Синье. — Куда бы ты ни отправился, мы всегда будем твоим самым надежным тылом.

Цун Кайгэ крепко сжал руку Е Синье, и волнение в душе постепенно утихло, сменившись невиданной доселе силой. Он был готов покорить этот неведомый мир.

Огни шашлычного лотка погасли, но в сердце Цун Кайгэ загорелся яркий свет, который уже никогда не должен был угаснуть.

Ранним утром Цун Кайгэ поднялся, привел в порядок вещи и приготовился к путешествию в университет. Он смотрел на свое отражение в новой форме, чувствуя надежду на будущее и благодарность к прошлому.

Е Синье уже ждал у входа. Мотор мотоцикла рокотал, словно подбадривая Цун Кайгэ перед началом новой жизни.

— Кайгэ, не забывай нас, братьев, даже когда станешь студентом, — в словах Е Синье слышались легкая грусть и глубокое благословение.

— Не волнуйся, Синье-гэ, я никогда вас не забуду, — твердо ответил Цун Кайгэ. Он знал, что эта дружба и пережитый опыт станут самым ценным сокровищем в его жизни.

Бабушка сидела рядом. Хотя она не могла лично проводить внука до вуза, в ее глазах читались доверие и гордость. Она погладила его по руке и прошептала:

— Учись прилежно, не беспокойся о доме, я сама о себе позабочусь. И ты береги себя.

Цун Кайгэ тяжело кивнул.

Он сел на заднее сиденье мотоцикла и крепко обнял Е Синье за пояс, чувствуя знакомую надежную опору. Мотоцикл рванул с места, прорезая привычные улочки и направляясь к новой отправной точке.

В первый же день учебы Цун Кайгэ с головой погрузился в занятия. Он понимал, что это единственный путь изменить судьбу и воплотить мечты. По ночам, в тишине, он часто вспоминал дни у шашлычного лотка, ожидающие взгляды друзей и слова Е Синье о том, что они всегда будут его тылом.

Он, и без того считавшийся в глазах окружающих недостижимым гением, своим усердием начал создавать еще большее давление на других. Хотя он и не стремился к соперничеству, но своим примером невольно заставил всех вокруг взяться за учебу.

<http://bllate.org/book/21576/2222631>